

Юлия
Шахрай

Несгибаемая
Анора Раймор

Юлия Шахрай

Несгибаемая Анора Раймор

<https://litres.ru/74204173>

Аннотация

Домашняя девочка Анора, оказавшись без денег, жилья и связей, да ещё и в ответе за малолетнюю сестру, не смогла этого вынести. А вот бизнес-леди Ирина Викторовна, наоборот, рада.

Теперь у неё есть то, чего она не могла получить в своём мире: молодость, семья и шанс, что в этом мире она не бесплодна.

А что до остального - героиня верит, что с её опытом она сможет выкарабкаться со дна, на котором оказалась.

В книге есть:

- ♥#неунывающая героиня;
- ♥#зрелая героиня в юном теле;
- ♥#прогрессорство;
- ♥#семилетняя сестра;
- ♥#любовная линия;
- ♥#ХЭ.

Мир Арайнэш

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	50
Глава 5	68
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

Глава 1

Придя в себя, чувствую такую слабость, что даже не хватает сил открыть глаза, не говоря о чём-то большем.

Совсем рядом со мной раздаются всхлипывания. А потом откуда-то сбоку слышу грубый мужской голос:

– Эта? Да она же дохлая! Непонятно, выживет или нет! А другие женщины у вас есть?

В ответ раздаётся заискивающий голос, тоже мужской, но явно принадлежащий кому-то помоложе, возможно, подростку:

– Что вы! Откуда тут взяться женщинам?! Только эта и есть... Может, всё-таки заберёте? А вдруг её ещё вылечить можно?

– Нет уж! Она еле дышит, да и белая, как будто вот-вот окочурится. Если не помрёт, тогда вернёмся и заберём... Не хватало ещё деньги на неё переводить зазря!

– Как знаете, – раздаётся в ответе безразличное, но как будто угадывается едва заметное огорчение.

Слышу удаляющиеся шаги. Всхлипывания усиливаются, а потом переходят в горький детский плач. Тихий, отчаянный.

Мелькает мысль, что надо бы как-то подать знак, что я жива. Хотя бы открыть глаза или что-то сказать. Мысль мелькает, и я проваливаюсь в тяжёлый беспокойный сон.

Снится странное. Будто я – не я вовсе, а девушка Анора. Словно со стороны наблюдаю, как она входит в лавку и видит отца на полу.

Во сне я почему-то знаю, что это именно отец.

Его тело застыло в неестественном положении. Вокруг головы алое пятно. Глаза распахнуты, но в них больше нет жизни. Анора отчаянно пытается растормошить его... Зовёт. Плачет... Но всё напрасно...

Кадр сменяется, и я вижу чёрный гроб, в котором лежит отец Аноры. Она сама рыдает у гроба, а рядом с ней плачет девочка лет семи – её сестра Литина. Вокруг них люди. Откуда-то знаю, что это родственники, которые вечно гостили в этом доме: две сестры отца и двоюродный брат. На их лицах нет скорби. Они тихонько переговариваются о каких-то своих делах и не выглядят хоть сколько-нибудь печальными. Скорее раздосадованными.

Входит незнакомый мужчина и объявляет, что господин Раймор вовремя не оплатил заём, поэтому всё его имущество забирается в счёт погашения долга. И что никто не имеет права ничего выносить из этого дома.

Родственники начинают гневно сыпать обвинениями и угрозами, но появившиеся мужчины крепкого телосложения выпроваживают и их, и Анору с сестрой на улицу.

Гроб выносят следом за девочками и водружают на конную повозку для погребальных церемоний, которая уже стоит у дверей.

За гробом сёстры идут вдвоём. Родственники же куда-то словно испаряются. На кладбище они тоже не появляются.

Когда девочки возвращаются домой, их не пускают дальше порога. В ответ на просьбу забрать вещи, показывают им какие-то бумаги, после чего закрывают дверь.

Они пытаются найти у кого-нибудь приюта, но их отовсюду выпроваживают. Родственники, до этого с удовольствием кормившиеся за чужой счёт, не пускают сироток даже на порог.

Девочки остаются на улице.

Денег Аноры хватает только на пирожок с картошкой, который они делят на двоих.

На этом мой кошмар обрывается.

Загнанно дыша от чувства безнадёжности, открываю глаза. Чувствую себя так, словно по мне проехал поезд. Слабость невероятная, тело взмокло от пота. Но наверное, после аварии это и нормально? Только странно, что я не в больнице, а на земле и надо мной каменная арка...

Неужели мне удалось выжить?!

Слышу радостный голос Литины:

– Анора! Сестричка! Ты пришла в себя!

Вижу её обрадованное измождённое личико с бороздками слёз. Она вскакивает:

– Ты, наверное, пить хочешь?! Я сейчас! – и убегает.

Девочка выглядит иначе нежели во сне: её роскошные длинные волосы безобразно обстрижены и свисают сосульками; вместо платица рубаха с чужого плеча и мешковатые штаны. Грязная, исхудавшая, она мало напоминает розовощёкую малышку из моих видений. Видимо, ей пришлось очень тяжело.

Похоже, странный сон, в котором я – Анора, продолжается.

Может быть, я в коме, поэтому и снится странное? Если так, то надеюсь, мне всё-таки удастся выкарабкаться.

С трудом, но у меня получается повернуть голову в сторону, куда убежала девочка. Каменная арка над нами, скорее всего, мост, под ним течёт река, в которой отражаются налитые дождём свинцовые тучи.

Девочка убегает чуть ниже по течению и очень скоро возвращается, неся в ладошках воду. Добежав до меня, растерянно останавливается:

– Ой!.. погоди! Сейчас помогу тебе подняться!

Она выливает воду, обтирает руки о грязную рубаху, после чего, пыхтя, помогает мне сесть, прислонив к опоре моста. Снова убегает, набирает воду и протягивает мне.

Открываю рот, чтобы отказаться – жажда жаждой, но как бы от грязной воды не случилось ещё больше проблем – и Литина, пользуясь этим, ловко вливает мне туда содержимое своих ладошек. Автоматически сглатываю и только по-

сле этого понимаю, что же я наделала.

– Принести ещё попить?

– Не нужно! – поспешно отнекиваюсь я, хотя пить по-прежнему очень хочется.

– Тебе лучше? – в голосе Литины беспокойство. – Ты ведь теперь не умрёшь?

– Не умру, – качаю головой я.

Девочка меня обнимает и начинает реветь:

– Не умирай, пожалуйста! Обещаю, я буду очень послушной! Я больше никогда-никогда не буду с тобой спорить! Только не умирай!

– Не буду, – мне удаётся её обнять и успокаивающе прижать к себе.

Обращаю внимание на свои руки. Под слоем грязи замечу, что они тонкие и молодые. Не мои руки. Руки Аноры.

Какой странный сон!

Раздаются шаги. Поворачиваю голову и вижу, что поодаль расположилась группа мальчишек. Один из них, вихрастый, лет восемнадцати, идёт к нам. Останавливается в двух метрах и кривится:

– Сегодня ещё можете остаться здесь, но чтобы завтра вас тут не было! Если останетесь – пеняйте на себя! Вот, – достаёт из кармана два небольших яблока и бросает в нашу сторону, а затем разворачивается и возвращается к мальчишкам.

Литина всхлипывает, но ловит яблоки, катящиеся по мостовой. Одно из них протягивает мне:

– Держи!

Качаю головой:

– Яблоки нужно вымыть.

– Да что ты?! И так нормально!

– Литина, ты же обещала меня слушаться, – напоминаю я.

Мне тоже хочется вгрызться в яблоко прямо сейчас, желудок от голода сводит судорогой, но рисковать здоровьем не стоит.

Девочка снова убегает к реке и возвращается с отмытыми яблоками. После этого приступаем к трапезе. Ужин это или завтрак совершенно непонятно – небо слишком плотно укутано тучами. Пока едим, начинается сильный ливень.

Яблоко придаёт мне сил. Удаётся подняться на четвереньки и доползти до реки. От меня нещадно несёт потом и нечистотами, сестрёнка тоже источает непередаваемый аромат – помыться не мешало бы нам обеим. Но сейчас моих сил хватает только на то, чтобы напиться из втекающего в реку родника и вернуться обратно на кучу веток, травы и листьев.

Падаю без сил и прикрываю глаза.

Раздаётся взволнованный голосок Литины:

– Ты ведь не умрёшь? Правда? Сестрёнка, ты ведь меня не оставишь?

– Мне нужно поспать, – бормочу я и моментально проваливаюсь в сон.

Проснувшись, обнаруживаю, что уже успело стемнеть. Литина, обняв меня ладошками, пристроилась рядышком и

посапывает. Осторожно, стараясь её не потревожить, выбираюсь с нагретого места, снова ползу к роднику, чтобы напиться.

С удивлением отмечаю, что я всё ещё во сне про Анору. Это кажется странным, но поделаться я с этим ничего не могу, так что возвращаюсь к сестре, обнимаю её озябшее тельце и снова засыпаю.

Просыпаюсь от окрика того же парня, что угостил нас вчера яблоками:

– Уже утро! Вставайте и выметайтесь! И чтобы я вас здесь больше не видел!

Открываю глаза и сажусь. Так и есть, тот же самый паренёк. Он кривится, потом всё-таки протягивает нам кусочек жареной рыбы и грубо произносит:

– Больше я дать вам ничего не могу. Вы меня поняли? Уходите сейчас же! Если вернётесь, мы вас побьём! Вы поняли?

Литина начинает плакать. Я же беру протянутую рыбу и доброжелательно улыбаюсь:

– Огромное спасибо! Мы сейчас уйдём, не переживай.

– Ладно, – мальчик кривится, но перестаёт выглядеть угрожающе.

Когда он уходит, делю кусок рыбы на неравные части. Большую отдаю сестре, меньшую съедаю сама. Конечно, этой еды явно недостаточно, чтобы почувствовать сытость, но всё же это лучше, чем вообще ничего.

Литина запихивает свою порцию в рот и, почти не разжёвывая и давясь, проглатывает.

– И чего это ты ему спасибо сказала? – надувается малышка. – Он же нас выгоняет! Где мы теперь будем жить? – на её глазах появляются слёзы. – А ещё он отобрал у меня моё платье и волосы мне остриг ножом! А ты с ним так!..

Вдыхаю и пробую подняться. Меня пошатывает, но всё-таки удаётся удержаться на ногах. Переведя дыхание и сглотив, произношу:

– Он нас дважды покормил, хотя совсем не был обязан это делать. За это мы должны быть ему благодарны.

– Но он нас выгоняет!

– И что? Я всё равно не планировала здесь оставаться. Конечно, я пока не поправилась полностью, но идти могу. Так что вперёд.

– Но куда мы пойдём?

– А в какой стороне город?

– Там! – малышка показывает в сторону мальчишек.

– Значит, мы пойдём в противоположную сторону, – улыбаюсь я.

– Но...

– Ты же говорила, что будешь меня слушаться, – напоминаю я. – Перед дорогой нам стоит напиться. Но пожалуйста, прежде чем пить из сложенных ладоней, помой руки.

– Ладно... – в голосе Литины ворчание и смирение.

Когда отходим подальше от моста, решаю пояснить свой

план:

– Для начала нам нужно вымыться и выстирать одежду. Сегодня солнечно, так что она может успеть высохнуть до темноты. Но надо найти укромное местечко, в котором нас никто не потревожит. К тому же на окраине может расти что-нибудь съедобное. Будет здорово, если так.

– Если там еда, то я согласна, – кивает малышка.

Идём вдоль берега. Чувствую сильную слабость, но не решаю ей меня остановить – чем дальше мы уйдём, тем будет лучше. Очень хочется спокойно вымыться, чтобы избавиться от грязи и неприятного запаха. Да и сестру тоже нужно отмыть. Встречают всегда по одежке и внешнему виду. Знаю, что в нашем мире нищие, от которых несло, могли с помощью этой вони вымогать деньги, но мне этот вариант претит. И оставаться нищей я тоже не планирую. Поэтому нужно привести себя в порядок.

Периодически речка выходит к домам. Сперва к бедным, а потом к тем, что побогаче. Богатые особняки окружены высокими коваными оградами и садами, так что увидеть сами здания можно только издали.

По начавшим желтеть листьям понятно, что уже начинается осень. И это очень плохая новость – до того, как окончательно похолодает, нам нужно найти жильё. Настоящее, со стенами, а не просто продуваемое место под мостом.

Очень удивляет свежесть воздуха, но ровно до тех пор, пока не вспоминаю о том, что когда Анора с сестрой сопро-

вождали повозку с гробом, машин по пути им так и не встретилось. В лавке, где отец Аноры торговал тканями, кассы не было, так же как и электричества. Вместо лампочек использовали свечи. Похоже, я попала в мир с низким уровнем технического развития.

Задумавшись, спотыкаюсь о камень и едва не пропахиваю носом землю. Пальцы болят, и эта боль кажется очень реальной.

Слегка прихрамывая, отказываюсь от помощи сестры и продолжаю путь. Какая-то часть меня ещё надеется, что это сон. Но вместе с тем всё кажется слишком настоящим. Разве сон может быть настолько последовательным? Раньше я с таким не сталкивалась. Сны, в которых я «просыпалась» в новом сне у меня были. Но никогда это не был тот же сон, что и раньше. Мысли у меня всё ещё путаются, тело кажется налитым тяжёлой усталостью. Чем дальше, тем сложнее переставлять ноги, но всё происходящее пугающе напоминает реальность.

Дойдя до леса, устало опускаюсь на успевшую высохнуть за день траву. Сестра ложится рядом и раскидывает руки. Появляется чувство, будто силы меня оставили. Уже немного жалею, что остановилась, но и продолжать двигаться дальше, я тоже не могла.

Даю время нам с сестрой отдохнуть, а потом поднимаюсь:

– Литина, пойдём.

– Может быть, ещё немного отдохнём? – жалобно просит

сестра.

– Нет, – качаю головой я. – До вечера нам хорошо бы найти ручей, чтобы можно было без боязни напиться. И ещё что-нибудь поесть. Идём.

– Не хочу!

– Ты обещала меня слушаться, – напоминаю я.

Сестра вздыхает, но поднимается. Выглядит очень несчастной. Мне её очень жаль, но пока времени на отдых действительно нет. Я не знаю, как быстро стемнеет, хотелось бы до этого найти место, где мы сможем переночевать.

Идём мы медленно, и я обшариваю взглядом окрестности в поиске удобного места или ручья. Где-то через час вдруг замечаю в траве орешек, а потом и растущее рядом фундучное деревце. Обрадованно восклицаю:

– А вот и еда!

– Еда? – удивляется сестра. – Где?

– Видишь, в траве орехи лежат? Если их вскрыть, мы сможем поесть. Ты пока собирай, а я поищу, чем их можно расколоть.

– Я и раскушу без проблем! – Литина поднимает орех и тянет его в рот.

Хватаю её за руку:

– Нет! А если зуб сломаешь? Я уж молчу о том, что всё нужно сперва мыть. Так что будь послушной девочкой, собери сколько сможешь. А я пока поброжу по берегу и поищу подходящие камни.

– Ладно, – вздыхает малышка.

Нужные плоские камни на берегу находятся быстро. Отмываю их, а затем орехи, половину которых откладываю: снимаю нижнюю рубашку, оставшись в платье на голое тело, и заворачиваю в неё. И только после этого мы приступаем к еде.

Орехи кажутся изумительно вкусными. Что не удивительно, ведь лучшая приправа – это голод. Поесть получилось совсем немного, но пока неизвестно, добудем ли мы ещё съестное, так что лучше запастись на ужин.

За небольшим лесом оказываются поля. Я против воровства, но сейчас бы не отказалась от морковки или капусты. Деньги за овощи готова вернуть, как только они у нас появятся. К сожалению, на полях золотится пшеница, и ничего, что можно было бы съесть сырым, нет.

Вдалеке виднеется деревенька, окружённая высоким деревянным забором. Но в нашем теперешнем виде нас в неё всё равно не пустят, так что обходим стороной.

Приблизительно через два часа пути мы выходим к быстрому ручью, впадающему в реку. Течёт он сквозь камни, и я надеюсь, что воду из него можно пить без последствий.

Сестра всю дорогу просила попить, но я ей отказывала. Теперь же разрешаю и сама напиваюсь от души. Нахожу камни, раскалываю орехи, снова делю их на две неравные части и большую отдаю сестре.

После перекуса командую:

– Раздевайся! Будем стирать одежду, а потом мыться.

– Но я не хочу! Без одежды будет холодно!

– Мне тоже жаль, что у нас нет сменной одежды и ничего, чем можно было бы развести костёр. Но оставаться грязными поросятами мы тоже не можем. Так что раздевайся.

Вещи стираем, как получается. Очень не хватает мыла, но уж как есть. В любом случае это лучше, чем ничего. Сестрёнка со стиркой справляется плохо, так что после своей одежды принимаюсь за её. Тщательно всё отжимаю и развешиваю по веткам.

Затем заставляю сестру помыться и моюсь сама. Получившийся результат не то чтобы сильно радует, но воняет от нас теперь гораздо меньше.

Пока одежда сушится, расчищаю кусок земли под деревом и натаскиваю палок. Высокую траву обрываю, надеясь на отсутствие клещей, и делаю из неё лежанку. Из палок сооружаю подобие шалаша, сверху накидываю на него большие листья какого-то растения. Сестра изо всех своих сил помогает. Под конец мои ладони горят огнём, голова кружится от слабости, но результатом я остаюсь довольна.

А потом мы с Литиной лежим и смотрим на небо. Оно и здесь оказывается голубым, с пушистыми белыми облаками.

Думаю: а что, если это не сон?.. Что, если мой вертолёт действительно разбился и моё сознание каким-то неведомым образом перенеслось в тело Аноры?

Оказаться в незнакомом мире без гроша в кармане, да ещё

и с маленькой сестрой...

Не так уж и страшно.

Плюсов в этом довольно много. В своём мире я уже давно перешагнула за пятидесятилетний рубеж. В карьере достигла всего, чего мне когда-либо хотелось. Даже если бы часть моих предприятий вдруг закрылась, да даже если бы все одновременно, у меня всё равно оставалась бы недвижимость в разных странах и счета в швейцарском банке. Оставшуюся жизнь я могла бы прожить, ни в чём себе не отказывая.

Но вместе с тем и минус в этом тоже был. Когда есть всё, что можно купить за деньги, это всё становится не таким уж нужным. Начинает хотеться чего-то большего. Например, встретить того, кто с тобой сможет всё это разделить, с кем можно будет завести детей.

Вот только с мужчинами мне в моём мире катастрофически не везло. Найти такого же сильного, как я сама, оказалось сложно. У тех, с кем знакомилась, обычно уже была своя счастливая семья. Либо они никакой семьи не хотели вовсе, а женщин воспринимали только в сугубо потребительском смысле. Да и даже если мужчина сильный, совсем необязательно, что ваши взгляды на жизнь сойдутся. Периодически я пыталась наладить личную жизнь, но так и не смогла встретить того самого.

И я всегда очень хотела детей. До безумия. Но ещё в юности мне поставили бесплодие. И лечение в самых дорогих клиниках ничего не дало – против природы оно оказалось

бессильно.

Последние годы я пыталась усыновить или удочерить ребёнка, но и это оказалось проблематично: одинокой женщине государство не было готово доверить сироту. Так что я потерпела неудачу и здесь.

В этом мире я снова молода и полна сил. Всегда мечтала о младшей сестрёнке, и теперь она наконец-то у меня есть. А ещё есть вероятность, что в этом мире я смогу родить детей, или взять приёмного. Всё это гораздо важнее денег, которых я лишилась.

К тому же мне не впервой строить свою жизнь с нуля. После внезапной смерти родителей я осталась с двухкомнатной квартирой, но без работы. Пришлось бросить учёбу и искать способы выжить. В поисках надёжных источников дохода я перепробовала кучу всяких занятий. И поняла, что для того, чтобы выбраться из нищеты, нужно работать на себя. Работа на кого-то — это лишь мнимая стабильность, которую можно потерять в любой момент.

Мои восемнадцать в том мире и в этом отличаются: сейчас, пусть я и выгляжу юной, за моими плечами много жизненного опыта. Уверена, он пригодится и в этом мире тоже.

Пока же лучше решать проблемы по мере их поступления. У меня есть несколько идей, с чего можно начать, но проблема в том, что я очень плохо ориентируюсь в этом мире.

Ничего страшного.

Работы я не боюсь, так что что-нибудь придумаю. Главное

– обрести опору под ногами, а потом можно будет думать о том, как перестать выживать и начать жить.

Пожалуй, я буду совсем не против, если мой сон окажется вовсе не сном.

Глава 2

К вечеру вещи успевают высохнуть, и мы спим не то чтобы в тепле, но от холода почти не трясёмся. А утром я велю сестре собираться в дорогу.

Отправляемся в виденную нами ранее деревеньку. По пути на этот раз внимательнее смотрю по сторонам, и заросли кустов с алыми ягодами, похожими на малину, становятся мне наградой. Прежде чем приступить к сбору, растираю сок по коже запястья. Через полчаса, когда никаких тревожных признаков так и не появляется, съедаю несколько ягод. Выждав время и не получив онемения или других тревожных симптомов, даю отмашку сестрёнке, и мы набрасываемся на кусты. Ягод оказывается довольно много, но мы съедаем все.

Деревенька встречает распахнутыми настежь воротами. Решаю считать это приглашением.

Походим к ближайшему дому. Под лай собак стучусь в калитку. Через несколько минут она распахивается и показывается хмурый мужик. Не давая мне шанса даже рот открыть, он начинает вопить:

– Что вам побирушкам нужно?! Уходите из нашей деревни! Ишь ты, моду взяли! Думаете, в деревне хлеб за просто так достаётся?! Пошли вон!

И захлопывает калитку перед моим носом.

Направляюсь к следующему дому. Сестра боязливо тянет

меня за рукав:

– Анора, может быть, действительно пойдём? А вдруг нас тут побьют?

– Да ладно, – отмахиваюсь я. – Это только первый двор. Не нужно так быстро сдаваться. Идём, не бойся. Если нас начнут бить, просто убежим.

– Ладно...

В следующих двух дворах нам никто не открывает. Затем повторяется первая ситуация, только на этот раз на нас орёт дородная женщина.

Мужик, который появляется в калитке очередного двора, дружелюбным тоже не выглядит, но и орать не начинает.

Спешу взять инициативу в свои руки и быстро, но твёрдо произношу:

– Добрый день! Меня зовут Анора, а это моя сестра Литина. Мы с сестрой работу ищем. Может быть, у вас найдётся?

Мужик удивлённо приподнимает брови:

– Ага! Дай таким работу! Дом обнесут и скажут, что так и было!

– Что вы! – не сдаюсь я. – Мы не воровки! Мы хотим честно заработать и работы не боимся. Я согласна на любую работу.

– Да что ты такая тощая можешь?! На тебя дыхни – ты и сломаешься! – в его голосе сомнение и немного издёвка.

– Что вы! Я только выгляжу хрупкой, а на самом деле я крепкая. И работы не боюсь.

Мужик испытывающе на меня смотрит, но я не отвожу взгляд. Наконец, он смягчается:

– У нас своих работников хватает. Попробуй постучаться в дом с петухом на крыше. Мож Эрта тебя и возьмёт в работницы. Но знай – ежели что, мало тебе не покажется! У нас собаки обученные есть – догонят, костей не соберёте.

– Огромное спасибо за вашу доброту, – дружелюбно улыбаюсь я. – И за совет тоже. Хорошего вам дня.

Мужик остаётся стоять у забора, наблюдая как мы с сестрой отправляемся дальше по улице. Увидев дом с флюгером в виде петуха, стучу в ветхую калитку. Через пять минут раздаются шаркающие шаги, и старческий женский голос спрашивает:

– Кого боги принесли?

Поскольку старуха не спешит открывать, громко произношу:

– Добрый день! Меня зовут Анора, а рядом моя сестра Литина. Мы работу ищем. Может быть, у вас найдётся?

– Денег у меня нет! Нечем мне вам платить!

– Деньги нам и не нужны! Мы можем работать за жильё и еду.

Калитка приоткрывается и в щёлочке показывается довольно крепенькая старушка в поношенном синем платье. Она нас осматривает, потом приоткрывает калитку шире, но пускать внутрь не спешит и, подозрительно сощурившись, произносит:

– Больно тощие вы для работничков! Небось, много не наработаете!

Дружелюбно улыбаюсь:

– Вы не смотрите на нашу худобу. Мы работы не боимся. Всё сделаем, что вы скажете!

– Да что вы можете?! – всё ещё сомневается старуха, но её тон уже не такой категоричный.

– Могу в доме убрать, еду приготовить, в огороде поработать, за животиной поухаживать, дров наколоть, дом, если где надо, подновить.

– Это ты-то?! Не врёшь?

– Не вру, – подтверждаю свои слова кивком.

– Ладно, – кривится старуха. – Заходите. Местом для сна я вас обеспечу, да и еды дам, но если не отработаете, старосте нашему нажалуюсь, он на расправу скор.

Прежде чем войти, оглядываюсь на мужика, который нас направил к старухе, и вижу, как он разворачивается и уходит. Похоже, проверял, не обманываю ли я его.

Следом за хозяйкой мы идём к дому, и по дороге я отмечаю, что двор довольно сильно зарос травой, ставни покосились, порог прогнил. Чувствуется, что здесь давно требуется ремонт.

Старуха кивает на тропинку, уходящую за дом:

– Там три яблони. Сколько яблок съедите – все ваши. А остальные надобно в корзины собрать. Справитесь?

– Конечно! – заверяю её я. – Где можно взять корзину?

– А сейчас принесу. Ждите меня здесь, – оглядывается старуха у порога.

И минуты не проходит, как она вручает нам четыре здоровенные корзины.

Две передаю Литине, подхватываю две оставшиеся и отправляюсь в указанном направлении.

Огородик оказывается довольно большим. В центре на грядках зреют помидоры, огурцы, лук, чеснок, тыквы, кабачки и картошка. С одного края располагаются три яблони и здоровенное грушевое дерево, а со второго – три вишнёвых дерева и слива.

Литина голодным взглядом поедает плоды, а подойдя к яблоне, поднимает с земли яблоко и с мольбой на меня смотрит:

– Можно же?

– Нужно сперва помыть, – качаю головой я. – Давай ты пока пособираешь те яблоки, что на земле, а я сбегая к колодцу и несколько штук помою. Дождёшься?

– Ладно, – глаза сестры разгораются от радости.

– Только те яблоки, что немного подгнили, откладывая в сторону. Потом узнаем, что с ними делать.

– Хорошо.

– А ещё, пожалуйста, яблоки не бросай на землю, а сразу складывай в корзину, чтобы они не побились.

– Ладно! Иди уже.

Доверия ей пока нет, так что стараюсь обернуться как

можно быстрее. И вернувшись, довольно улыбаюсь:

– Молодец, что дождалась. Давай перекусим, а потом начнём работу.

Яблоки большие, краснобокие. Мякоть плотная и очень сочная. Пока я ем одно, сестрёнка успевает слопать аж три. Спыхватываюсь, что на этот раз Литина не мыла руки, когда от них остаются лишь хвостики. Но что уж теперь.

– Можно ещё одно? – жалобно спрашивает она.

Качаю головой:

– Давай наполним эти корзины, а потом, когда будем их относить, помоем ещё.

– Ладно, – горько вздыхает малышка.

Но я на это не ведусь – не хочу, чтобы у неё разболелся живот.

Почти все плоды, что лежали на земле, Литина уже успела собрать, поэтому даю ей задание обрывать яблоки с нижних веток, а попорченные птицами прошу откладывать в сторону. Сама же беру корзину и забираюсь повыше. Жалею, что не попросила лестницу, но яблоня кряжистая, ветки толстые, так что не критично.

Корзины заполняем довольно быстро. Подняв одну, понимаю, что только её и донесу, да и то с трудом. Поэтому предлагаю Литине:

– Давай корзины я сама отнесу, а ты возьми четыре яблока. Как дойдём до колодца, я воду подниму, а ты сначала руки помоешь, а потом и яблоки: два мне, два тебе. Догово-

рились?

– Да!

Пока сестра моет яблоки, а потом хрустит, сидя на лавочке у колодца, перетаскиваю все корзины к крыльцу и стучу в дверь. Почти сразу же мне открывает старуха. Улыбаюсь:

– Корзины полны! Куда можно пересыпать яблоки?

– Небось, гнилушек набрали, – ворчит старуха.

– Что вы! – качаю головой я. – Гнилушки мы отдельно отложили. И яблоки, что птицы поклевали, тоже. Как раз хотела спросить, что с ними делать.

– Надо обрезать, что можно. Если уж совсем птицей попорченное, так свинье моей на корм пойдут. А если обрезать можно, так и посушу.

– Так что мне делать сейчас? Куда отнести яблоки? И что потом? Заняться обрезкой тех, что немного порченные, или сперва собрать остальные спелые?

– Сперва остальные спелые. Бери корзину и иди за мной – в погреб яблочки отнесём.

– Хорошо.

Погреб обнаруживается неподалёку от дома и запирается он длинным металлическим ключом на навесной замок. Спускаюсь с тяжёлой корзиной на несколько ступеней вглубь, а потом перекладываю яблоки в деревянный ящик. Обнаруживаю, что запасов у старухи почти нет – то ли существует ещё другой погреб, то ли она пока просто не собирала урожай.

Выбравшись с пустой корзиной обратно, спрашиваю про приставную лестницу, и старушка предлагает сходить за ней на скотный двор. Сестра к этому времени уже успевает расправиться со своей частью яблок и оставшиеся два протягивает мне. Как раз одно я съедаю по дороге.

Лестница не особо тяжёлая, высотой с полтора моих роста, но выглядит крепкой. Разрешаю сестре помочь с её переноской. Потом мы возвращаемся за корзинами и снова принимаемся за работу.

На этот раз отношу яблоки не к крыльцу, а сразу к погребу. От усталости меня начинает пошатывать, но терплю – нам с сестрой очень нужна эта работа. Ночью нам повезло, что никто не напал, но когда я отходила в туалет, заметила отпечатки лап крупного зверя. Сейчас хищникам ещё достаточно еды, так что, скорее всего, они не нападут. Но всё-таки такая вероятность есть. К тому же на ягодах и орехах долго не выживешь. Если бы у нас хотя бы была возможность развести огонь и имелся нож, ещё можно было бы подумать о лесной жизни. Но у нас ничего нет.

Конечно, если бы в деревне для меня работы не нашлось, пришлось бы рискнуть и заночевать в лесу, выбора не было бы. Но теперь, когда этого можно избежать, я не намерена так просто упускать этот шанс.

Старуха снова открывает дверь дома довольно быстро, словно ждала моего стука. Окна грязные, так что подглядывала ли она за нами, непонятно, но я бы не удивилась, если

бы так и было.

Хозяйка открывает дверь пошире:

– Проходите! Пообедайте, а потом можете дальше работать.

– Спасибо, бабушка, – улыбаюсь я. – Литина, идём мыть руки.

Видно, что девочке не терпится отправиться за стол, но послушаться меня она не решается.

На бедно обставленной кухоньке, центральное место в которой занимает здоровенная печь, уже накрыт стол для обеда: расставлены три миски с кашей, на сковородке красуется омлет, а в тарелке несколько помидоров и огурец. А ещё возле каждой миски лежит кусок хлеба и стоит чашка с молоком. Радуюсь щедрому обеду – в молоке кальций, наверняка из-за скудного питания сестра его в последнее время недополучала.

Литина лопает так, что только за ушами трещит. Мне очень хочется последовать её примеру, но я себе этого не позволяю – ем неторопливо, тщательно прожёвывая каждую порцию.

– А вы откуда будете? – интересуется бабка.

Проглатываю кашу и отвечаю:

– Из Зотеня мы, городские. Мамка рано умерла, да и отец недавно тоже скончался. Дом забрали за долги, а нас выставили на улицу.

– Ох ты ж, батюшки! – качает головой старуха. – Горе-

мычные вы!.. А родни у вас не нашлось?

– Нашлась, бабушка. Да только пока отец был жив, они все ласковые были. А как его не стало, и дом наш забрали, смотрят, как на чужих. Даже на порог не пустили.

Литина огорчённо кивает, подтверждая мои слова.

– Ох ты ж, батюшки! – снова восклицает старуха. – Да разве ж так можно?! Со своей-то родной кровью! Ох, правду говорят – у этих городских с головой что-то не то... А что вы в городе не остались?

– Не смогли найти работу, – отвечаю я.

– Ну да, там людей много, – кивает старуха. – Но я вас у себя оставить не могу – стара я, не прокормлю лишние рты. Вы уж извиняйте.

– Ничего страшного. Я вам благодарна уже за то, что вы дали нам работу. О большем я не прошу.

– От то и ладно, – успокаивается она.

Замечаю, что тарелка Литины уже опустела, даже хлеба не осталось, и отламываю ей половину своего кусочка. Сестрёнка с жадностью его съедает. Старушка поднимается с места, достаёт из печки чугунок и накладывает Литине добавку. Малышка радостно набирает полную ложку и отправляет в рот. Хмрюсь:

– Литина, ты забыла поблагодарить бабушку... Простите, как ваше имя?

– Ой! – спохватывается старушка. – Я же не представилась! Эрта меня зовут.

– Приятно познакомиться, – киваю я и строго смотрю на сестру.

Та проглатывает кашу и произносит:

– Бабушка Эрта, спасибо за добавку!

– Да не за что, милая, кушай. Наголодались, небось? – улыбается старушка.

Пожалуй, это вопрос риторический, и я ничего не говорю в ответ. И сестру за то, что она глотает еду, практически не жуя, решаю пока не ругать – последние дни мы жили впроголодь, понадобится время, чтобы привыкнуть к тому, что теперь еды снова достаточно.

После обеда собираю тарелки и интересуюсь:

– А где можно помыть посуду?

– Да что ты, милая, – качает головой Эрта, – я сама.

– Не стоит. Я справлюсь, – улыбаюсь я. – Только покажите, что тут у вас как.

– Идём, дам тебе раствор мыльного корня. А помыть можно вон там, – она кивает на тазик, стоящий у раковины.

Пока мою посуду, сестра сидит за столом и уже клюёт носом.

Затем мы отправляемся обратно к яблоням, и она зевает всё чаще и выглядит всё более сонной. Улыбаюсь:

– Литина, может быть, ты немного на травке отдохнёшь? Вижу, что совсем устала.

– Что ты! Мне же нужно тебе помогать! – отказывается она.

– Я пока сама справлюсь. Отдохни, чтобы набраться сил и получше мне помогать.

– Ладно, – соглашается малышка и ложится на траву неподалёку от дерева.

Уже через несколько мгновений раздаётся сонное сопение. Давно мы так досыта не ели – неудивительно, что её сморил сон.

День жаркий, но Литина находится в тени, и я спокойно продолжаю работу.

Следующие корзины загружаю одна и отношу яблоки сразу в погреб. Затем перехожу к следующему дереву, убедившись, что Литина всё так же лежит в тени.

Через два часа поясница начинает ныть настолько нещадно, что приходится сделать перерыв. Сажусь рядом с сестрой и даю себе немного времени на отдых.

То, что нам удалось найти еду и жильё, пусть и на недолгое время, радует. В городе это сделать было бы в разы сложнее – у меня пока для этого слишком мало информации. А нам с сестрой очень нужна передышка для того, чтобы хоть немного восстановить силы и привести мысли в порядок.

Жаль, что воспоминания, виденные мной во сне, обрывочны. Да и к тому, что я видела, слишком много вопросов. Ладно, позже попробую расспросить сестру, а пока нужно возвращаться к работе.

Наполняю первую корзину и спускаюсь с лестницы, когда Литина вдруг поднимает голову и начинает с тревогой

осматриваться по сторонам:

– Анора! Анора! – в её голосе паника.

– Я здесь, – спокойно отвечаю я. – Ты уже проснулась?

– Да... Мне приснилось, что ты меня бросила, и я осталась совсем одна... – плечи её расслабляются, она украдкой вытирает слёзы.

– С чего бы мне тебя бросать? Ты же моя любимая сестра. Не переживай, я тебя никогда не брошу.

– Но ведь наши родители нас бросили... И родственники, – она встаёт и присоединяется к сбору яблок.

– Родители умерли, они нас оставили не специально. Что же до родственников... У нас с ними дальнейшее родство. Они, может, и не хотели нас бросать, просто у них сейчас такие обстоятельства, что они не могут оставить нас у себя, – обтекаемо оправдываю их я.

А мысленно добавляю, что этими обстоятельствами вполне может быть отсутствие совести или порядочности.

Если верить моим воспоминаниям, родственнички у Аноры и Литины те ещё. Даже удивительно, насколько отец был на них непохож... Хотя ему бы как раз не помешало немного наглости и эгоизма – тогда бы он не стал залезать в долги и кормить родственников бесплатно. И мы бы не оказались на улице. Добрым быть хорошо, но здесь тоже нужна мера – как минимум, эта доброта не должна аукаться твоим близким. Хотя сейчас я уже и не узнаю, насколько это была доброта, а насколько неумение отстаивать личные границы.

Возможно, отец просто не умел отказывать.

– А ты меня точно не бросишь? – вырывает меня из мыслей вопрос сестры.

– Точно. Мы семья и должны держаться вместе.

– Но ведь раньше мы с тобой не особенно ладили. А вдруг мы поссоримся, и ты больше не захочешь меня видеть?

– Даже если мы поссоримся, я всё равно тебя ни за что не брошу. Я тебе обещаю.

– Ладно...

Пользуясь случаем, решаю собрать немного информации. Конечно, я не жду от семилетней девочки каких-то особых знаний о том, как устроена жизнь в этом мире, но некоторые вопросы она всё-таки может прояснить.

– Знаешь, во время болезни часть моих воспоминаний потерялась. Какие-то вещи я помню, а какие-то нет.

– Правда? Но меня ведь ты помнишь?

– Да. И тебя, и папу, и наших родственников. Но некоторые события помню очень отрывочно, или не помню совсем. Я помню похороны и то, что нам не разрешили вернуться домой. Но вот как мы оказались под мостом, не помню.

– О! Это легко! Мы с тобой сперва сходили к родственникам, но никто не захотел нас взять к себе. А когда стемнело, мы остались на улице... Было очень страшно! Мы даже убегали несколько раз от каких-то мужчин. Хотели поспать в парке, но не смогли – ты сказала, что это слишком опасно. Мы так и не поспали той ночью. А потом вышли к мосту.

Но нас оттуда прогнали. Мы пошли к другому мосту. И там оказались только эти противные мальчишки. Они уже спали, так что не смогли нас выгнать... А утром я тебя будила, но ты не просыпалась... А потом к нам подошёл тот дяденька, ну, который нас потом выгнал. Потрогал твой лоб. Сказал, что у тебя лихорадка. И что если я не хочу, чтобы нас с тобой отсюда выкинули, я должна отдать им своё платье и надеть ту одежду, что он даст. И волосы обрезать! – в голосе малышки обида.

– Тебе, наверное, было очень тяжело попрощаться с твоими красивыми волосами и платьем...

– Очень! Но делать было нечего, я согласилась. Там дождик лил, а под мостом было лучше. И ты не приходила в сознание, как я ни старалась.

– Ты приняла верное решение, – хвалю её я. – Платье можно купить новое, а волосы и сами отрастут... А что было потом?

– Тот дяденька показал мне, где брать воду. И запретил пить прямо из речки. И сказал, что я должна сделать подстилку из травы и листьев. А ещё дал мне кусок рыбы. Я пыталась с тобой поделиться, но ты стонала, ворочалась, я не знала, как тебя накормить, так что съела всё сама, – оправдывается Литина.

– Ты правильно поступила, – успокаиваю её я.

– А на следующий день к нам пришли здоровенные страшные мужики. Они спрашивали у того дяденьки, есть у них

девушки. Тот сказал, что нет, что только ты есть, но ты заболела. Но они всё равно осмотрели и только потом к нам подошли... Я так испугалась! Думала, они тебя заберут! Хорошо, что они ушли...

– А как они были одеты?

– Да не знаю... В чёрную одежду. И нижняя часть лица у них была повязками закрыта.

– Вот как! Понятно, – по описанию на стражей правопорядка они непохожи, а значит, явились не для того, чтобы сделать для найденных женщин что-то хорошее или доброе.

– А потом ты пришла в себя, продолжает малышка. – Я так радовалась! Думала, что ты тоже меня оставишь, а ты очнулась! А потом нас тот дяденька выгнал, и мы ушли.

– Это я уже помню... Похоже, мы в долгу перед тем дяденькой.

– С чего бы? Он же нас выгнал!

– Думаю, у него были свои причины так поступить. Но ещё он давал нам еду, хотя был совсем не обязан это делать. И помог с водой.

– Но он обрезал мне волосы!

– Думаю, именно поэтому те мужчины приняли тебя за моего брата и не стали забирать. Так что он всё правильно сделал.

– Да?.. Ну, ладно. Значит, не буду на него сердиться.

– Вот и умница...

К вечеру спина и руки наливаются свинцом. Держусь

только на силе воле. И когда наконец-то начинает темнеть, последнюю корзину в погреб заносу с огромным облегчением.

Старушка Эрта улыбается:

– Ох! Вы все яблочки убрали?

– На последнем дереве немного осталось, так что завтра закончим.

– Это хорошо!.. Идёмте ужинать. А потом можете идти на сеновал. Ночи-то пока тёплые, я вам с собой одело дам, так что не замёрзнете.

– Огромное спасибо!.. Скажите, могу ли я у вас попросить немного мыльного корня, чтобы вымыться?

– Да без проблем. Уж чего-чего, а этого добра у нас хватает.

– Буду очень благодарна, если вы ещё дадите нам то, чем можно обтереться, и расчёску. Нас из дома выкинули в чём мы были, поэтому мы не успели ничего взять.

– Ох! Горемычные вы! Помогу, как не помочь?

На ужин у нас настоящий пир: картофельно-капустное рагу с маленькими кусочками сала и молоком. Но прежде чем сесть за стол, подбрасываю в печку дрова и ставлю ведро с водой, чтобы она нагрелась.

После ужина старушка отправляется спать, но перед этим выносит для нас стёганое одеяло, кусок полотна, расчёску и стопку одежды:

– Моей Кристиночке эти вещи уже без надобности, так

что можете себе взять.

– Огромное спасибо!

– Да пошто ты меня постоянно благодаришь! – смущается старуха. – Там же ношеное всё.

– Всё равно спасибо. Мы даже такому очень рады.

– Сеновал там, где лестницу мы брали. А ушат (большой деревянный таз с ручками, примечание автора) можете в коридоре взять. Ты уж сама, ладно?

– Ладно. Не переживайте. Добрых снов.

– Добрых снов.

За время ужина вода успевает хорошо нагреться, так что затаскиваю ушат на кухню и, разбавив в нём воду до нужной температуры, ставлю новую партию согреваться в печке.

– Развевайся, – командую сестре. – Будем мытья.

– Но ведь мы только вчера мылись! – кривится она.

– Вчера у нас мыльного корня не было, так что это почти и не считается. Давай, вода стынет.

Сестрёнка куксится, но больше возражать не осмеливается. Пока она раздевается, разворачиваю вещи, которые принесла Эрта и обрадованно улыбаюсь: нижняя рубашка и платье для Литины, а для меня рубаха и юбка. Вещи из грубой ткани, видно, что ношенные, но чистые и без дыр. Настоящий подарок.

Разворачиваю платье и показываю Литине:

– Смотри! Ты сможешь переодеться в платье. Здорово же, да?

– Ну... Оно не такое красивое, как те, что у меня были.

– Но утром у тебя вообще никакого платья не было. Или, если хочешь, можешь снова надеть те вещи, что на тебе сейчас.

– Нет уж! Пусть уж будет платьишко.

– Вот и умница.

Помогаю вымыться сестре, потом отмываюсь сама. После, старательно не обращая внимания на боль в мышцах, принимаюсь за стирку одежды. Литина следует моему примеру. Выстиранное прополаскиваем, отжимаем; убираем следы нашего пребывания с кухни и отправляемся на сеновал. Дойдя до него, спохватываюсь, что забыла о лестнице. Приходится вернуться за ней на огород. Радуюсь, что сегодня ясно и света луны и звёзд вполне достаточно для того, чтобы не бояться споткнуться.

На сеновале вкусно пахнет душистыми травами.

Формирую из сена подобие подушек, укрываю нас с сестрой одеялом и улыбаюсь: всё-таки я неплохо справляюсь. Конечно, мы не останемся тут надолго не только из-за того, что старушка нам не разрешает, но и потому, что это не входит в мои планы. Я слишком деятельная натура, для того чтобы довольствоваться сельской жизнью. К тому же опыт отучил меня верить в какую-либо стабильность. Если только не считать стабильностью то, что жизнь не стоит на месте и всё может измениться в любой момент. Но пока буду решать проблемы по мере их поступления. У меня есть ночлег, я сыта,

да ещё и с комплектом запасной одежды. И сестрёнка сладко сопит под боком. Не так уж и мало, как по мне.

Глава 3

Утром тело ломит от непривычной нагрузки. Чтобы хоть немного привести в порядок забитые мышцы, делаю растяжку, а потом уже бужу сестру. Умываться она не хочет, но приходится – пора приучать её к полезным привычкам.

А потом старушка Эрта зовёт нас завтракать. Нас ждёт каша, хлеб с кусочком сыра и молоко. Литина снова ест очень нетерпеливо. Пожалуй, если до завтра это не изменится, нам всё-таки придётся поговорить на эту тему.

Затем мы быстро обираем последнюю яблоню, вооружаемся ножами и отправляемся обрезать яблоки. Те, что сильно поклёваны птицами, откладываем в одну корзину, из тех, что испортились частично, отрезаем нормальные части и складываем во вторую корзину. Смена работы радует – хотя бы руки отдыхают. А вот спине снова приходится тяжело.

На обед старушка готовит нам похлёбку на кости, и каждой из нас даже достаётся по кусочку мяса.

А потом мы продолжаем работу. Справляемся с ней до темноты, что меня очень радует.

Эрта весь день сушит яблочные дольки, так что на кухне очень приятно пахнет. И почему-то навеивает воспоминания о том, как я в далёком детстве гостила у бабушки.

Спим снова на сеновале. Ночь на этот раз холоднее, так что приходится набросать на одеяло сено, чтобы не замёрз-

нуть.

Утром староста привозит дрова. Эрта распахивает ворота:

– Прямо так во дворе и бросай. Спасибо тебе, Иким!

– Да не за что!... В ближайшие дни поколоть не получится – сама понимаешь, не до того сейчас. Но потом я кого-нибудь пришлю.

– Спасибо!

– А как работницы твои? Справляются?

– Да не то слово! Яблони мне обобрали. Я уж и не думала, что так быстро управятся!

– Это хорошо, что справно работают... Ежели чего, так ты мне скажи.

– Девки хорошие, так что не переживай.

– Лады. Но если что...

– Едь уже. Спасибо за дрова.

Когда он уезжает и Эрта закрывает ворота, предлагаю:

– Бабушка, я могу поколоть. К такой работе я непривычная, но, думаю, справлюсь.

– Тяжело это! Точно справишься?

– Думаю, да. Только мне нужен топор и колода.

– Топор принесу, а колода на скотном дворе стоит.

– Хорошо.

Следующий час колю дрова. Пот стекает по лицу, мышцы в шоке от непривычной нагрузки. Но прекращаю только после того, как боль становится совсем уж нестерпимой. Литина тоже без дела не сидит, оттаскивает расколотые полена в

дровницу.

Оставляю топор и отправляюсь к старушке. Она проверяет результаты моего труда и качает головой:

– Ну, ты и даёшь, девка! Устала, небось!

– Не без того, – улыбаюсь я. – Но помаленьку, глядишь, и справлюсь... Сейчас я бы хотела заняться чем-то другим. Что ещё нужно убирать с огорода?

– Да там всё нужно убирать. Помидоры, огурцы и капусту заквасить. Тыквы, лук и кабачки просто перенести в погреб. И ещё нужно картошку выкопать, да и сливу с грушей обобрать... Может, отдохни?

– Обязательно, но позже... Думаю, можно начать с капусты. Уж с нарезкой-то я справлюсь.

– Как хочешь. Я тогда бочонок подготовлю. Ты два кочана оставь, чтобы было из чего щи варить, а остальное заквасим.

– Хорошо.

Кочаны тяжёлые, кладу по одному в корзину. Литине же поручаю сбор огурцов и помидоров. Прошу, как только она наполнит корзины, позвать меня.

Всего кочанов оказывается десять штук. Последние дотаскиваю на сжатых зубах, а потом пью побольше воды, чтобы восполнить недостаток жидкости. Обмываю кочаны и заношу на кухню.

Там меня уже ждут нож и разделочная доска. Остаток дня нарезаю капусту, а старушка переносит её в бочку в подвале. Корзины с огурцами и помидорами отношу туда же.

После ужина старушка произносит:

– Похолодало так-то. Вы уж с сегодня на печи спать ложитесь. Не хочу, чтобы вы околели ночью.

– Спасибо! – благодарю я.

На печи спится отлично. Даже одеяло не пригождается.

А утром наступает новый трудовой день.

За неделю у меня вырабатывается довольно чёткое расписание: проснуться, умыться, позавтракать, поколоть, сколько смогу, дрова, потом поработать в огороде с перерывом на обед.

Боль в мышцах становится постоянной спутницей, но всё-таки чувствую, как сила в теле прибавляется. И что радует гораздо больше – с лица Литины уходит бледность, её щёчки округляются, она перестаёт походить на заморыша.

Закончив с огородом, берусь за дом. Чиню ставни, мебель, порог, замазываю трещины в стенах глиной.

В последнюю очередь занимаюсь сараями: чищу их, меняю прогнившие доски. На это уходит ещё несколько дней.

Вечером за ужином улыбаюсь старушке:

– Думаю, моя помощь вам больше не нужна. Я сделала всё, что могла. Так что завтра утром мы уйдём.

– Ох! Да как же вы уйдёте?! Может быть, останетесь?

Улыбаюсь, вспоминая, как сперва она явно боялась, чтобы мы не решили у неё поселиться, теперь же, наоборот, не хочет, чтобы мы уходили. Я её понимаю – жить одной не только тяжело, но и скучно. Дочка её, как вышла замуж, так и

уехала в город и навещает мать хорошо если раз в год.

Но оставаться в мои планы не входит, так что качаю головой:

– Спасибо! Я очень благодарна вам за предложение, но нам уже пора.

– Ну, хоть на денёчек останьтесь. Я вам хотя бы чего с собой соберу.

Сестра смотрит с мольбой, приходится уступить:

– Хорошо. На один день мы останемся. Но послезавтра уйдём.

– Ладно.

После того как старушка уходит к себе, Литина нахмурившись спрашивает:

– Анора, почему мы должны уходить? Нам ведь здесь так хорошо!

– Во-первых, старушка наверняка не рассчитывала на то, что у неё будет на два едока больше. И предлагая нам остаться, она об этом не подумала, а в конце зимы, когда продукты начнут заканчиваться, нам всем придётся туго. Во-вторых, мы сделали для неё всё, что могли. И она честно отплатила за нашу работу ночлегом и едой. Больше мы ей ничем помочь не сможем. В-третьих, нельзя сидеть на шее у других, мы должны найти способ зарабатывать самостоятельно. В деревне же это сделать невозможно.

– И мы снова будем жить под мостом?

– Пока не знаю. Сориентируемся на месте. Если уж при-

дётся совсем туго, мы всегда сможем вернуться в эту деревню.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Сестра успокоенная засыпает. Я решаю отложить мысли по поводу будущего на потом и ложусь спать тоже. Всё равно раньше, чем мы доберёмся до города, решить ничего не получится.

Просыпаюсь привычно рано, но Литину не бужу: эти дни дались тяжело не только мне, но и ей тоже. Пусть малышка отоспится – неизвестно, что готовит для нас будущее.

Чтобы не сидеть без дела, приношу воду, мою пол на кухне и вытираю пыль. Когда заканчиваю, входит Эрта:

– Доброго утречка!

– Доброго утречка. Сейчас дров принесу.

– Беги. А я пока кашу соображу.

Через десять минут каша уже стоит в печке.

Когда старушка присаживается за стол, устраиваюсь рядышком. Она какое-то время молчит, потом интересуется:

– А что вы в городе-то делать будете?

Пожимаю плечами:

– Пока не знаю. На месте соображу.

– Может быть, всё-таки останетесь?

– Огромное спасибо за предложение, но нам пора.

– Знай, если не получится у вас там, можете ко мне вернуться. Конечно, домик у меня скромный, да и изысками вас

кормить не смогу, но всё ж какой-то угол.

– Спасибо! – искренне благодарю я. – Если у нас не получится найти место в городе, мы вернёмся.

– Вот и ладненько... Пойду коз подою. Да и курам с парасём корму нужно дать.

– Давайте я вам помогу.

– А давай.

С делами управляемся быстро. Когда уже возвращаемся к дому, ко мне подбегает встревоженная сестра и вцепляется в мою ладонь. Ничего не говорит, но мне и так ясно – ей снова приснился кошмар. Сложно представить, что пришлось пережить девочке, так внезапно лишившейся отца, дома, да ещё и вынужденной ухаживать за заболевшей сестрой. Всё, что я пока могу – это заверять её, что не брошу. И стараться выполнить своё обещание.

После завтрака Эрта уходит, но уже через полчаса возвращается с довольной улыбкой:

– Староста завтра утром в город собирается. Я договори-лась, чтобы он и вас подвёз.

– Огромное спасибо! – радостно благодарю я.

То, что не придётся добираться до города пешком – отличная новость.

– Давай старые вещи моей дочки переберём, а вдруг найдёте что-то, что вам пригодится?

– Не откажусь.

Проходим следом за старушкой в её комнату к здоровен-

ному сундуку. Она распахивает крышку и начинает доставать вещи. Что-то уже довольно ветхое, что-то мало. Брать с собой лишние вещи совсем не хочется. После тщательно-го перебора оставляю две тёплые шерстяные кофты, шерстяные чулки для меня и сестры, а ещё, сдавшись на уговоры Эрты и умоляющий взгляд детских глаз, беру для Литины голубое платье, расшитое по краю жёлтыми узорами. Оно ей чуть великовато, к тому же не рассчитано на холодную погоду, но зато почти неношеное. Сестра сразу же переодевается в обновку и выглядит счастливой.

Ещё старуха даёт нам два довольно тёплых платка, за что я ей очень благодарна.

С непривычки оказывается сложно сидеть без дела. Хочется вскочить и чем-то заняться; кажется, будто о чём-то забыла. Но что я действительно забыла – это как отдыхать. Дел больше нет, и остаток дня я провожу, наблюдая за тем, как сестра радостно носится по двору.

На ужин бабушка Эрта жарит мясо с картошкой и большую яичницу, а ещё мы делаем салат.

Сестрёнка, хоть и начала последнее время есть медленнее, снова лопает, не прожёвывая. На этот раз делаю ей замечание:

– Литина, не торопись. Жуй.

Она кивает и слушается.

Спать ложимся пораньше.

А утром, едва начинает светлеть, вскакиваю и натаскиваю

побольше дров – бабушка Эрта уже старенькая, ей самой будет тяжело. Пусть большой запас сделать не получится, но это лучше, чем ничего.

Сегодня надеваю платье, в котором уходила из дома – если я планирую найти работу и жильё, то чем солидней буду выглядеть, тем лучше.

Сестре разрешаю надеть голубое платье, но заставляю поддеть под него штаны для тепла. Кофты тоже укладываю на самый верх, чтобы их можно было легко достать.

После завтрака беру котомку с нашими вещами и закидываю за спину.

Бабушка Эрта протягивает мне увесистую корзинку:

– Держите! Тут немного продуктов.

Но когда пытаюсь посмотреть, что внутри, торопит:

– Идёмте.

Иким действительно уже заканчивает со сборами. И через несколько минут после того, как мы подходим, командует:

– Запрыгивайте в возок!

Обнимаю бабушку Эрту:

– Огромное вам спасибо за всё!

– Езжайте, милые, с богом! – замечаю, что в её глазах блещут слёзы.

Киваю и залезаю в повозку. Она загружена мешками и коробкам. На одну из таких коробок мы с сестрой и садимся.

Не оглядываюсь. Сейчас для доброй бабушки мы были бы только обузой. Но как только встанем на ноги, даю себе обе-

щение её обязательно навестить.

Глава 4

У въезда в город прошу Икима нас высадить. Он останавливает повозку, а потом и сам спрыгивает и протягивает мне маленький полотняный мешочек:

– Держите. Тут немного. В благодарность за помощь, значит. Больше дать не могу, так что... – он запрыгивает обратно на козлы и моё растерянное «спасибо» я говорю уже его спине.

Сперва мы с Литиной сворачиваем к тропке, по которой должны дойти до реки, а затем я смотрю, что же дал староста. В мешочке оказывается десять медных монет. Радуюсь им невероятно, наверняка этого на съём жилья не хватит, но хоть какие-то деньги.

Заглядываю также и в корзинку, что вручила нам бабушка Эрта. В ней, к моему удивлению, оказываются не только расчёска, яблоки, груши, помидоры и огурцы, но и буханка хлеба, головка сыра, небольшой кувшинчик молока, яйца, небольшой кусочек копчёного мяса и мешочек с солью. А ещё на самом доньшке нахожу настоящее сокровище – маленькие нож в кожаном чехле.

От сыра и буханки отрезаю треть и перекладываю их в котомку. Половину мяса и две груши отправляю туда же.

Нож прячу за поясом. С ним мне как-то спокойнее. В своё время я ходила на курсы самообороны, и хотя не думаю, что

смогу пустить в ход нож, всё равно с ним под рукой чувствую себя в большей безопасности, чем раньше.

Разобравшись с подарками, мы отправляемся дальше. Доходим до реки и сворачиваем к мосту.

– Мы снова будем ночевать под мостом? – с грустью спрашивает сестра.

– Надеюсь, что нет. Но нужно отблагодарить того парня, что нам тогда помог.

– Отблагодарить?

– Хочу поделиться с ним едой.

– Но её же дали нам!

– Да. И мы с тобой всё это время жили в сытости и тепле, а вот дети под мостом – нет. К тому же я надеюсь кое-что узнать в обмен на еду. Что-то очень важное.

– Правда?

– Да.

– Тогда ладно.

Литина грустно вздыхает, но больше не пытается меня отговаривать.

Мальчишек находим на том же месте под мостом, сгрудившимися у костра. Обращаю внимание на то, что парень, который помог нам в прошлый раз, самый старший среди них, тогда как младшему хорошо если пять исполнилось.

При виде нас старший мальчик поднимается с места и враждебно хмурит брови:

– Вы чего припёрлись?! Я же сказал, чтобы вы провали-

вали!

Дружелюбно улыбаюсь:

– Ты нас кормил, пока я болела, поэтому мы решили отплатить тебе и ребятам тем же. Держи, –ставляю перед собой корзинку, словно щит.

Парнишка забирает её, осматривает содержимое и удивлённо приподнимает брови:

– Это всё нам?

– Думаю, мы можем пообедать вместе. Не переживай – после этого мы уйдём. Но у меня к тебе есть несколько вопросов.

– Точно уйдёте?

– Да.

– Тогда ладно.

Он ставит корзинку на землю, шикает на мальчишек, лезущих ему под руки, затем достаёт нож. Начинает с хлеба. Делит его на восемь кусочков. Затем также поступает с мясом и сыром. Протягивает каждому его порцию. С молоком поступает иначе. Грозно хмурит брови и произносит:

– Чтобы каждый по глотку! Поняли?

Его банда понятиливо кивает, и парень передаёт кувшин по кругу.

Помидорок оказывается четыре штуки, что тоже легко делится на всех, а вот огурцов пять. Он половинит три, а остальные два протягивает нам с Литиной. Яблоки и груши тоже делятся поровну.

Мальчишки едят так, словно до этого голодали: жадно и торопливо. От этого зрелища болезненно сжимается сердце. Хотела бы я помочь им чем-то большим, чем одним обедом, но пока это всё, что я могу. Даю себе мысленное обещание вернуться к этому вопросу, когда у меня появится больше возможностей.

После нехитрого перекуса старший интересуется:

– А можно я соль заберу?

– Бери, – легко соглашаюсь я.

Помню, что он поделился с нами в прошлый раз рыбой – возможно, они умеют её ловить. Солёной она будет гораздо вкуснее.

– Что ты хотела узнать? – добреет парень.

– Для начала давай познакомимся. Меня зовут Анора, а это моя сестра Литина. А как тебя зовут?

– Заим. А имена остальных тебе без надобности.

Пожимаю плечами:

– Без проблем. Заим, мы раньше жили в этом городе, в доме отца. Когда он умер, кредиторы выставили нас на улицу. Сейчас я понимаю, что мы довольно мало выходили в город и плохо его знаем. Поэтому буду благодарна за помощь. Подскажи, пожалуйста, как здесь можно найти работу?

– На рынке у входа вывешивают вакансии. Иногда просто рядом с лавкой на бумажке пишут, кто именно нужен. А ещё можно поискать у ратуши, но там только для грамотных.

– Грамоту я знаю, – киваю я. – А что насчёт дешёвого жи-

лья? Где и как его можно найти?

– В домах, которые сдаются, на ворота повязывают зелёную ленточку. А если сдаётся комната – красную. В совсем бедных кварталах подешевле будет, но и опасно, можно на банду какую нарваться, а то и на торговцев людьми. В квартале ремесленников и торговцев подороже, зато безопаснее – там стража постоянно патрулирует. Но везде требуют плату за несколько месяцев наперёд.

– А постоянные дворы?

– Там обычно большой ценник лупят. И та же история, что и с остальным жильём: в бедных кварталах отребье всякое отирается, а то и банды – легко вас с сестрой обидеть могут. Так что я бы не советовал вам туда соваться.

– Понятно... А ты можешь рассказать мне, где какие кварталы находятся и как найти ратушу?

– Идём. Это будет проще нарисовать, чем словами объяснить.

Отходим в сторону. Заим берёт палку, расчищает кусок земли от мусора и рисует овал:

– Это наш город.

Затем проводит слева петляющую линию, идущую сперва по границе города, затем начинающую отклоняться правее:

– Это наша река. Вот тут мосты. Их три, но третий в богатой части города, там стража ошиваться не позволит, да и вообще, туда пускают только тех, кто прилично одет.

Один мост он рисует на окраине, второй на границе ре-

месленного и бедного кварталов, а последний – в глубине богатого.

– Понятно, – киваю я.

– В пригороде богатые живут, но работы ты там не найдёшь – они слуг только по рекомендациям берут. Вот тут, – он вписывает в овал небольшой круг чуть левее и выше центра, захватывая верхнюю часть реки, – самые богатые кварталы. Вот тут, – он показывает на левую нижнюю часть овала, – бедные. Если идти к ним от нас, можно дойти до рынка. Справа от богатого квартала живут торговцы и ремесленники. Если ты грамотная, можешь там счастья попытать. Ратуша располагается там же.

– А храмы?

– Хочешь подношение богам сделать? Дело хорошее. Один храм в квартале богачей, а второй – на границе квартала ремесленников и бедняков.

– Огромное спасибо за информацию. Думаю, я узнала всё, что хотела. Мы пойдём.

– Ну, идите... И назад возвращаться не вздумайте – эти сюда заявляются, когда им вздумается: могут и месяц не появляться, а могут несколько дней подряд приходить. И под второй мост не суйтесь – вас туда всё равно не пустят, у них там уже всё давно всё поделено.

– Ясно. Значит, мы туда не пойдём... Огромное спасибо за помощь, Заим.

Корзинку я забираю с собой, благо она теперь почти ни-

чего не весит.

Когда отходим подальше, Литина хмурится:

– Всю нашу еду съели!

– Не всю. Я немного отложила, так что голодными не оста-
немся.

– А куда мы идём?

– Думаю, стоит начать с богатого квартала, а там посмот-
рим.

– Но ведь нас прогонят!

– Вот и узнаем. Если не получится, попытаем счастья в
квартале ремесленников.

– А почему не в бедном квартале? Мы же бедные.

– У нас почти нет денег, в этом ты права. Но и у тех, кто
живёт в бедном квартале, их тоже нет – платить будут мало, а
работать придётся много. Оставим этот вариант на крайний
случай.

Сначала мы двигаемся вдоль реки, но перед следующим
мостом поворачиваем в сторону и дальше идём по улице.

Дойдя до богатого квартала, сворачиваю в сквер и усажи-
ваюсь на скамейку. Ноги с непривычки гудят. Да и осмот-
реться не мешает.

Дома здесь роскошные каменные, дамы и господа разоде-
ты в шелка, кружева и увешаны драгоценностями. У каждой
модницы зонтик, и зачастую даму сопровождает служанка в
форменной одежде.

Представители местной знати на меня не смотрят, а если

им и случается наткнуться взглядом, поспешно его отводят. Их слуги на меня тоже внимания не обращают – они вообще больше смотрят себе под ноги. Обстановочка не то чтобы дружелюбная. Мне-то ничего, а вот Литина опасливо втянула голову в плечи, сгорбилась и приуныла.

– Может быть, всё-таки пойдём отсюда? – просит она.

– Почему?

– Ну... Мне здесь неудобно.

– То, что тебе неудобно – это не повод уходить. Да и мы здесь не просто гуляем, а по делу – нужно найти работу.

– Думаешь, у тебя получится?

– Почему нет?

– Но все эти знатные дамы... Они смотрят на нас, как будто мы мусор.

– И что с этого? Пусть смотрят. В том, что у нас сейчас финансовые трудности, нашей вины нет. И в том, что мы не родились в семье аристократов – тоже. Так уж получилось.

– Но они такие высокомерные!

– Ну и что? Это их проблема, а не наша.

– Думаешь, сможешь найти тут работу?

– Не попробуешь – не узнаешь. В любой ситуации нужно держать спину прямо и не позволять чужому мнению на тебя повлиять.

– Но это так сложно!

– Ничего сложного. Пусть у аристократов платья подороже, чем у нас, но у них тоже две ноги, две руки и одна голова

– не так уж они от нас отличаются.

– А вдруг нас выгонят отсюда?

– Такое тоже возможно. Но ведь могут и не выгнать.

– Ну... да.

Пока она обдумывает мои слова, переплетаю свои косы.

Зеркала нет, поэтому использую вместо него Литину:

– Посмотри, пожалуйста, у меня чистое лицо?

– Да.

– Вот и замечательно. Пойдём.

На стене возле дверей заведений висят небольшие деревянные таблички, и к некоторым из них прикреплены листики с вакансиями. В первой лавке требуется грузчик мужского пола, так что иду дальше. В следующих местах вакансий нет, а вот в листике рядом с ювелирной лавкой написано, что им требуется уборщица.

Что приятно – в этом мире принято сразу же указывать не только вакансию и требования к ней, но и зарплату. Я пока слабо ориентируюсь в местных деньгах и понимаю, что это моё упущение, которое лучше бы побыстрее наверстать. А пока пытаюсь просто запоминать, сколько за какую работу обещают, и уже потом буду делать выводы. В любом случае зарплаты в этом квартале должны быть выше, чем в любом другом.

Открываю дверь и прохожу в лавку. Хрустальные люстры, зеркала на стенах, застеклённые витрины с самыми разнообразными золотыми и серебряными украшениями – место

выглядит очень респектабельно.

За прилавком сидит седой мужчина, который при нашем появлении поднимается с места. Прежде чем он успевает сказать хоть слово, произношу:

– Добрый день, уважаемый! Меня зовут Анора, а это моя сестра Литина. Я увидела, что вам требуется уборщица.

– Верно, – кивает мужчина, но представляться не спешит.

– Могу ли я узнать подробности этой работы?

– Убирать нужно ежедневно как в лавке, так и в мастерской... А у вас есть рекомендации?

– К сожалению, нет.

– Простите, но в таком случае я не могу вас нанять.

– Понятно. Простите за беспокойство.

Когда выходим из лавки, Литина вздыхает:

– Заим же говорил, что нужны рекомендации! Ты не найдёшь тут работу.

– Говорил, – соглашаюсь я. – Но то, что нам здесь отказали, не означает, что откажут и в другом месте тоже.

Сестра смотрит недоверчиво, но ничего не отвечает.

В следующем кафе требуется официантка. Зарплату обещают на треть меньше, чем в ювелирной лавке. Помещение внутри просторное и светлое. Маленькие столики, застеленные голубыми скатертями. Свежие цветы в высоких вазах. И снова большие хрустальные люстры.

У входа нас встречает мужчина лет сорока. Он невозмутимо произносит:

– Добрый день! Чего изволите?

– Добрый день! Я увидела объявление о том, что в кафе требуется официантка. Подскажите, пожалуйста, у кого я могу узнать подробности этой работы?

– Пройдите прямо, сверните в левый коридор. На двери будет табличка с надписью «Управляющий».

– Понятно, спасибо за помощь.

Дойдя до нужной двери, прошу сестру меня подождать в коридоре, отдаю ей корзину и мою котомку. Затем стучу и, дождавшись разрешения, прохожу в тесный кабинет, большую часть которого занимает массивный деревянный стол. Тучный мужчина, который до этого читал какие-то документы, откладывает их в сторону и окидывает взглядом мою фигуру, задержавшись на груди. Это кажется мне тревожным звоночком, но всё-таки решаю дать толстяку шанс:

– Добрый день, уважаемый. Меня зовут Анора. Я видела, вы ищете официантку? Это вакансия ещё свободна?

– Свободна, милая, – довольно улыбается толстяк. – Ты нам подходишь. Платить буду две серебрушки в неделю. А ежели будешь хорошо стараться, сможешь заработать гораздо больше.

– Но у вас в объявлении было указано, что оплата три серебрушки, – хмурюсь я.

– Мало ли что там написано! Приступить можешь прямо сегодня.

– Вы готовы взять меня на работу?

– Конечно! Но у нас строгие правила: приходить нужно к восьми, за опоздания зарплата урезается; если что разобьёшь или сломаешь, платишь из своего кармана; если нагрубишь клиенту – тоже штраф.

– А что будет входить в мои обязанности?

– Приносить заказы господам, протирать столики, иногда убираться в зале и мыть посуду.

– Скажите, могу ли я получить аванс?

– Нет! Оплата в конце недели.

– Понятно. Спасибо большое, мне нужно подумать, – разворачиваюсь и ухожу.

Дело даже не в том, что он не хочет давать аванс, просто мне этот управляющий категорически не нравится. Зарплату, указанную в объявлении, он урезал, обязанностей прибавил. Да и его липкий взгляд мне тоже по душе не пришёлся. Соглашаться на такую работу можно только в расчёте на будущие рекомендации, но я не уверена в том, что этот толстяк мне их даст, не потребовав взамен то, на что я не готова согласиться. Нет уж, здесь я точно работать не буду.

В следующей лавке вакансия уже занята.

Ещё в одно кафе меня соглашаются взять посудомойкой, но аванс они тоже выдать не готовы, так же как и в следующей лавке.

В обувном магазине снова требуют рекомендации, которых у меня нет.

Когда выходим на улицу, Литина вздыхает:

– Ну вот! Я же говорила, что тебя никуда не возьмут! Мы зря сюда пришли.

– В смысле никуда не возьмут? – удивляюсь я. – В трёх местах меня согласились взять на работу.

– Но почему ты тогда продолжаешь искать?

– Во-первых, нужно сравнить разные предложения и условия работы. А во-вторых, никто из работодателей не был готов выплатить аванс. А он нам очень нужен, чтобы арендовать жильё.

– Но наверняка в этом квартале жильё дорогущее!

– Конечно. Поэтому я и не собиралась снимать его здесь. Жить можно в квартале ремесленников или в бедном, а работать тут.

– Точно! Как-то я об этом не подумала.

– Пожалуй, нам стоит сперва озаботиться поисками жилья, а потом уже работой, чтобы узнать, сколько придётся тратить на аренду. Давай пойдём пока в торговый квартал и займёмся этим вопросом.

Литина веселеет. А когда добираемся до квартала ремесленников, сестрёнка и вовсе выпрямляет плечи и начинает улыбаться. Неудивительно – дом, в котором мы жили, находится в ремесленном квартале. Конечно, аристократы здесь тоже встречаются, но всё-таки обычного люда гораздо больше.

Перед витриной с готовой одеждой Литина застывает как вкопанная. Проследив за её взглядом, вижу розовое платье

с рюшами, украшенное по краю серебряной нитью. Ценника нет, но что-то мне подсказывает, что он будет высоким.

Остро жалею о том, что у меня нет денег купить это платье сестре. Но даю себе обещание, что как только уверенно встану на ноги, и у нас появятся свободные деньги, обязательно порадую малышку обновкой.

Всё это время я не забываю читать объявления о работе, поэтому замечаю, что в торговом квартале зарплаты ровно в половину меньше.

Заглянув в несколько продуктовых магазинов, понимаю, что если хочу хоть иногда покупать мясо, нам придётся тратить на еду в неделю как минимум сорок медяшек. Конечно, можно ещё пойти на рынок и посмотреть, можно ли там найти продукты подешевле, но не думаю, что разница будет очень уж большой.

Остаётся выяснить цены на жильё. И результаты меня не радуют. Самый крохотный домик можно снять за золотой в неделю, поэтому в эту сторону решаю вообще не смотреть. Из предлагаемых комнат самая дешёвая на чердаке стоит примерно серебряный в месяц. Если найду работу в богатом квартале, моих доходов будет впритык хватать, чтобы сводить концы с концами, но везде хотят оплату как минимум за два месяца вперёд, а таких денег у меня сейчас нет. И договориться о том, чтобы сперва вселиться, а денежку заплатить через неделю, не получается.

Понимаю, что угодила в тупик.

Солнце неумолимо клонится к закату, а решение этой ситуации так и не находится.

Улица приводит нас к большому храму. Архитектура похожа на готическую, но здание белое, поэтому мрачным или зловещим оно совсем не кажется.

Решительно сворачиваю к нему – в голову приходит мысль, что в некоторых странах моего мира разрешали переночевать в церквях. А вдруг и в этом мире можно так же?

Храм встречает нас тишиной. В центре огромного помещения возвышается пьедестал, на котором стоит белоснежная статуя, изображающая двоих, держащихся за руки: приветливо улыбающуюся женщину и сурового вида мужчину. Что меня удивляет – они не гигантского размера, а вполне даже обычного, человеческого. Правда, мужчина чуть выше и шире в плечах, чем виденные мной на улице. В постаменте перед ними углубление, в котором лежат белые цветы. Вдоль стен храма канделябры с зажжёнными свечами, но статуя кажется отлично освещённой, тогда как вокруг неё царит полумрак.

Полукругом около статуи расставлены лавочки. На одну из них мы и садимся.

Рассматривая лица местных богов, всё больше чувствую благоговение и умиротворение. Они не кажутся недостижимыми или бесстрастными. И это сподвигает меня на то, чтобы молитвенно сложить ладони и мысленно к ним обратиться: «Спасибо, что позволили мне обрести вторую жизнь в

этом мире. Спасибо, что у меня есть сестра. Спасибо за то, что мы с сестрой здоровы, и у нас есть ужин. Огромное вам спасибо за всё, что вы мне дали».

Не знаю, сколько мы с сестрой сидим после молитвы – время словно растворяется.

Потом из-за статуи выходит мужчина лет сорока пяти в белоснежной сутане и дружелюбно произносит:

– Доброй ночи!

– Доброй ночи, – в ответ приветствуем его мы с Литиной.

– Почему вы в такой час пришли в храм? На улице уже стемнело, вам лучше отправиться домой. Наверняка ваши родители о вас беспокоятся.

Невесело усмехаюсь и поднимаюсь со скамейки:

– Родителей у нас нет, так же как и дома. Скажите, можем ли мы с сестрой переночевать в храме? Взамен я готова убраться тут утром перед нашим уходом.

– Вы сироты?

– Да.

– Вот оно что, – задумчиво хмурит начавшие сесть брови мужчина. – Сегодня как раз уволилась наша уборщица. Так что, видимо, вас сами Боги послали. Если вас устроит такая работа, готов предложить за неё кров и еду.

– Нас это устроит, – киваю я.

– Тогда следуйте за мной.

– Меня зовут Анора, а мою сестру – Литина, – запоздало представляюсь я.

– А меня можешь называть настоятель Туэйт.

– Приятно познакомиться.

– Мне тоже, – улыбается он.

Следом за настоятелем мы проходим в неприметную дверцу в задней части храма и попадаем на просторный двор, полукругом застроенный тремя двухэтажными каменными домиками, тесно жмущимися друг к другу.

Настоятель подводит нас к самому крупному зданию, расположенному слева. Следуем через тесный холл, по лестнице поднимаемся на второй этаж и останавливаемся перед одной из дверей в коридоре.

– Жить будете здесь. На первом этаже обеденная зала. Завтрак в шесть, обед в двенадцать, а вечерняя трапеза в восемь. Убирать в храме нужно трижды в день: после каждой службы. Кроме того, нужно будет содержать в порядке двор и коридоры этого дома. Тебя это устроит?

– Устроит, – киваю я. – Огромное спасибо! А где здесь туалет и место, где можно помыться?

– Туалет на первом этаже в левом крыле. Там же умывальня. Столовая в правом крыле.

– Понятно, огромное спасибо!

Оплаты не будет, но условия более чем щедрые: будем жить на всём готовом, да ещё наверняка останется свободное время, чтобы заняться своими делами. Смогу получше осмотреться в городе, а может, и подработку какую-то получится найти. А ещё появится шанс подумать над другими

способами заработка. В любом случае мне сейчас очень нужно время, чтобы понять, что делать дальше. Рада, что теперь у меня это время будет.

Комнатка оказывается небольшой, метров пятнадцать. В ней всего-то и есть что две кровати, небольшой шкаф и стол у окна. Но матрасы мягкие, постельное бельё чистое, а большего мне и не нужно.

Пожелав спокойных снов, настоятель Туэйт уходит.

Мы с сестрой ужинаем тем, что осталось, затем оставляем вещи в комнате и отправляемся на поиски умывальни.

Вода есть только холодная, так что умываемся очень быстро. А вот в туалете стоят унитаза. Конечно, не белые фарфоровые, к которым я привыкла, а керамические, но привычной мне формы. Да и смыв тоже у них работает. Это меня невероятно впечатляет. Похоже, этот мир не настолько технически отсталый, как я о нём думала.

Глава 5

Утром просыпаюсь от звука гонга – его мелодичный гул разносится по дому, заставляя вскочить и начать озиаться по сторонам. Сестра тоже вскакивает. Удивлённо хлопает глазами:

– Это что за звук?

Улыбаюсь:

– Похоже, пора просыпаться.

– Правда? Но ведь ещё очень рано!

– Если хочешь, можешь ещё поспать, но думаю, на завтраке нас никто ждать не станет. Всё без нас съедят.

– О! – сестра снова вскакивает. – Чего же мы тогда сидим?! Побежали!

– Для начала нужно одеться и привести себя в порядок, – улыбаюсь я. – А затем умыться.

– О! Точно!

Одеваемся, спускаемся в умывальню и, закончив с утренними делами, отправляемся в столовую.

Она оказывается прямоугольной формы и достаточно просторной. В центре стоит длинный стол, окружённый лавками. И почти все места уже заняты.

К счастью, Туэйт тоже здесь. Он приветливо нам улыбается:

– Анора, Литина, вы уже проснулись?

– Доброе утро, – здороваемся мы с сестрой.

– Давайте я вам всех представлю, – произносит настоятель. – Это моя жена, настоятельница Мия, – он улыбается миленькой блондинке лет тридцати рядом с собой. – А это наши дети Тая, Бьорш и Зинан.

– Здравствуйте, – здороваются они.

Старшей дочери можно дать лет пятнадцать, а мальчикам Бьоршу и Зинану максимум по пять. Одеты они как обычные дети из торгового квартала, но выглядят очень серьёзными.

– Это жрец Кирина, – представляет Туэйт седобородого мужчину в белой рясе напротив. – Это Юта и Шайш, – кивает он на пару лет двадцати пяти в довольно скромной одежде. – Юта занимается ремонтом одежды и изготавливает свечи, а её муж чинит всё, что сломалось, и заботится о саде. В случае чего обращаться нужно именно к нему.

– Приятно познакомиться, – улыбаюсь я им.

Они в ответ настороженно кивают.

В проёме столовой появляется дородная женщина в чепце и фартуке.

– А это наша Ирша, – улыбается настоятель. – Благодаря ей и её дочери Таюне мы можем каждый день наслаждаться вкусной едой.

– Скажете тоже, – смущается женщина.

– А это наша новая уборщица Анора с сестрой Литиной.

– Приятно познакомиться, – кивает женщина и начинает расставлять на столе тарелки с хлебом, сыром, мясом и ово-

щами.

Затем входит более молодая копия Ирши и ставит на стол глубокие миски и подставку под горячее.

Ирша уходит, но быстро возвращается со здоровенной кастрюлей каши. Разливает её всем, а Таюна ставит тарелки перед едоками и для себя с матерью тоже.

К завтраку приступать никто не спешит, поэтому когда Литина берёт ложку, касаюсь её локтя и качаю головой. Наклонившись к её ушку, шепчу:

– погоди!

Малышка озадаченно опускает ложку и с недоумением на меня смотрит.

После того как Ирша и Таюна садятся за стол, настоятель молитвенно складывает ладони и произносит:

– Боги, благодарю вас за то, что у нас есть возможность наполнить наши желудки и прожить ещё один чудесный день. Айтэ.

– Айтэ, – нестройным хором поддерживают остальные и принимаются за еду.

Следуем их примеру.

После завтрака настоятель показывает мне дверь в кладовую, где можно взять инвентарь для уборки. Извиняющимся тоном произносит:

– Тебе придётся набирать воду из колонки во дворе. А выплёскивать можешь в саду.

– Хорошо, спасибо.

– В восемь начнётся служба, и я буду очень рад, если ты успеешь убраться до неё.

– Я постараюсь... А в какое время начинается обеденная и вечерняя служба?

– В два часа дня и в девять вечера.

– Понятно... У нас нет часов. Подскажите, пожалуйста, где можно будет узнать, который час?

– На первом этаже в том же крыле, где столовая, есть общая гостиная. В ней висят часы.

– Понятно. Благодарю. В таком случае я приступаю к работе.

– Если ещё возникнут какие-то вопросы, приходи.

– Спасибо.

Беру инвентарь, и мы с сестрой отправляемся во двор.

Здесь уже носятся радостные дети настоятеля. Вернее, носятся только мальчишки, а их старшая сестра расположилась на лавочке с книжкой. Заприметив завистливый взгляд, который моя сестричка бросает на играющих детей, улыбаюсь:

– Литина, я и сама управлюсь с уборкой. Может быть, ты пока здесь всё осмотришь? Только со двора никуда не уходи, ладно?

– Лучше я тебе помогу, – отказывается сестра, но взгляда от веселящихся мальчишек при этом не отводит.

– Но ведь и получше познакомиться с остальными тоже лишним не будет. А вдруг они расскажут тебе что-то интересное?

– Правда?! Ну... Раз так, то я, пожалуй, немножечко поиграю.

– Ладно. Беги.

Воодушевлённая сестра подбегает к Бьоршу и Зинану и спрашивает:

– А можно и мне с вами?

– Чур ты вода! – Бьорш шлёпает её ладошкой по руке, и они с братом с визгами начинают убегать.

Литина бежит за ними, я же отправляюсь в храм.

Снова появляется ощущение благодати и какого-то благоговения. Казалось бы, я в своё время посетила немало храмов и церквей, меня не так просто впечатлить. Тем более пол в храме белый мраморный, а стены и вовсе каменные – никаких росписей, икон или позолоты. Да и статуи выглядит довольно обычно. Но странное чувство умиротворения и ощущение, будто за мной с сочувствием наблюдает кто-то очень добрый и огромный, не пропадает.

Делаю своё дело тщательно. Времени как будто много, но и работы тоже достаточно: нужно протереть подсвечники, скамейки, подмести и помыть пол.

Первые посетительницы храма, важные старушки в шляпках, появляются, когда я уже заканчиваю уборку.

Отхожу к стене и внимательно смотрю, что именно они будут делать – в каждом мире общение с Богами проходит по-своему, не хочется попасть впросак, сделав на людях что-то неправильное.

К моему удивлению, старушки просто проходят внутрь и занимают места на скамье, а потом начинают тихонько переговариваться.

Мне становится любопытно. Поэтому решаю отнести инвентарь для уборки в кладовку, а потом вернуться и продолжить наблюдение.

Дети всё также носятся во дворе, что меня очень радует: наконец-то сестра занята тем, чем положено заниматься в её возрасте.

К моменту моего возвращения народу в храме заметно прибавляется. Помимо знакомых мне старушек я вижу два семейства аристократов с детьми и несколько стариков и старух вроде как из ремесленного сословья и из бедняков. Сужу, конечно, по одежде. Есть также несколько женщин с дочерьми восемнадцати-двадцати лет и двое мужчин с сыновьями такого же возраста. А вот маленьких детей насчитываю всего трёх.

Все, кто входит, просто следуют к скамейкам и садятся. Очень напоминает атмосферу, какая бывала перед спектаклями или концертами в моём мире, что меня очень интригует.

Зал продолжает заполняться людьми. Когда места на скамейках заканчиваются, приходящие просто остаются стоять за ними. И даже запоздавшим аристократам никто не спешит уступать место.

Затем входят настоятель с женой и жрец Кирин. Настоя-

тель с женой становятся по обе стороны статуи, жрец же становится прямо напротив неё, спиной к прихожанам.

Разговоры прекращаются, и под сводами храма воцаряется тишина. Но не давящая, в воздухе как будто разливается ожидание.

Жрец складывает молитвенно ладони и прикрывает глаза. Прихожане следуют его примеру.

А потом статуя словно вспыхивает изнутри золотистым светом. Этот свет озаряет храм, разливается, даря успокоение и ощущение, будто кто-то очень могущественный смотрит на нас с любовью и пониманием.

Это длится несколько мгновений, а когда заканчивается, внутри остаётся чувство сожаления, но сил как будто прибавляется.

Прихожане открывают глаза и с улыбкой смотрят друг на друга. Потом часть людей направляется на выход, а кто-то остаётся на месте.

Оставшиеся начинают по очереди подходить к настоятелю и настоятельнице. К жрецу подходит только один мужчина с сыном. О чём-то с ним разговаривает, а затем они уходят.

Зал постепенно пустеет.

Разворачиваюсь и выхожу тоже. Чувствую себя впечатлённой. Всегда надеялась, что есть кто-то более мудрый, кому на меня не всё равно. А в этом мире я впервые за всю свою жизнь почувствовала, что это буквально так и есть.

Глава 6

До обеда решаю привести в порядок двор, а потом заняться нашей комнатой. Литина с новыми друзьями весело проводит время, поэтому помочь мне не предлагаю – она столько вытерпела, что вполне заслужила немного пожить беззаботно. И я приложу все усилия, чтобы так продолжалось и в будущем.

Во двор выходит хозяйка Мия и зовёт:

– Дети! Пора заниматься! Литина, хочешь с нами?

Сестра вопросительно на меня оглядывается и, дождавшись согласного кивка, уходит вместе с остальными в сторону правого дома. Я же продолжаю уборку. Не знаю, что там за занятия у детей, но в любом случае знания лишними не будут.

Закончив со двором, ещё раз мою полы в храме, а потом поднимаюсь в нашу комнату.

В шкафу нахожу две смены постельного белья, что меня очень радует. Раскладываю наши с сестрой вещи на полки, а потом мою полы у нас в комнате и в коридорах.

Сестру вижу только на общем обеде. Выглядит она очень задумчивой. Но после сразу убегает играть с детьми, так что решаю обождать с расспросами. Помогаю Таюне и Ирше собрать тарелки, заодно интересуюсь:

– Может быть, вам какая-то помощь нужна?

– Да что ты! Мы и сами управимся, – отказывается повариха.

– Ладно, – пожимаю плечами я.

Во дворе Литина с Таей сидят на скамейке и болтают, а Бьорш и Зинан весело носятся в догонялки.

Подхожу к девочкам:

– Литина, я хочу пойти погулять по городу. Ты со мной или останешься?

– А мне можно остаться?

– Конечно. Но при условии, что ты отсюда никуда не уйдёшь.

– А в сад можно?

– Можно. Тебе можно гулять в саду, во дворе или находиться в нашей комнате.

– А на занятия ей можно? – спрашивает Тая.

– Конечно, – подтверждаю я.

Сестра грустнеет. Похоже, занятия ей не особенно понравились. Но расспросы решаю отложить до вечера – не думаю, что она сможет мне всё откровенно рассказать при подруге.

Отправляюсь в город. Дохожу до невидимой черты, после которой начинаются бедные кварталы. Очень заметно, что тут живут бедняки. Разительные отличия не только в постройках: в богатых кварталах все дома каменные, у ремесленников и торговцев каменные полностью или как минимум первый этаж, а тут все здания из дерева, ещё и улочки бедных кварталов теснее, а домики как будто жмутся друг

к другу.

Но самая чудовищная разница заключается в запахе: в богатых кварталах пахнет цветами; в ремесленнических и торговых – навозом, потом и уличной едой; а вот бедные кварталы встречают вонюю отбросов и нечистот. Последнее неудивительно – мусор валяется повсюду кучами, наверняка и отходы жизнедеятельности никто не затрудняется убирать.

Жить в таком месте я точно не хочу. Даже в своём скромном, но вполне приличном платье я смотрюсь очень чужеродно на фоне залатанной и порванной одежды остальных прохожих.

Покидаю эту часть города как можно быстрее, возвращаясь в квартал ремесленников и торговцев.

В прошлый раз моей целью были поиски жилья и работы. Это заставляет усмехнуться – нужно было точнее формулировать запрос местным богам. Жильё меня вполне устраивает: целая комната для нас с сестрой; двор, где она может поиграть; да и наличие канализации тоже стало невероятно приятным сюрпризом. Однако когда я думала о работе, мне нужно было желать большего. Как минимум чтобы оплаты труда хватало не только на жильё и еду, но и можно было откладывать денежки на бизнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.